

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1927 г. КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮГА РОССИИ

А.В. Баранов
(Россия, Краснодар)

Выявлена роль преувеличенной угрозы интервенции в развитии политических ориентаций сельского населения Юга России (1927 г.). Установлены особенности политических ориентаций социальных групп казачества и крестьянства в условиях кризиса новой экономической политики.

The role of an exaggerated threat of intervention in the development of political orientations of the Southern Russian peasantry (1927) is revealed. The peculiarities of political orientations of the social groups of the cossacks and peasants under the conditions of crisis of new economic policy are established in the article.

Ключевые слова: политические ориентации, сельское население Юга России, «военная тревога», 1927 г.

Key words: political orientations, the peasantry of Southern Russia, “the military alert”, the year of 1927.

Анализ факторов политических ориентаций важен по ряду причин. Прежде всего, слабо изучены факты и события ментальной истории из-за многолетнего господства истории «событийной». Приходится одновременно выявлять новые источники, осмысливать их содержание и давать событиям теоретические объяснения. Во-вторых, засилье в советский период материалистических трактовок истории затормозило применение методов исследования политической культуры. В-третьих, динамика политических ориентаций в кризисном обществе – тема, созвучная современным проблемам России. Важно понять, как взаимосвязаны внутригосударственные и международные факторы политического процесса; каким образом кризисное общество воспринимает внешние угрозы (реальные либо мнимые); в чем различия представлений социальных групп общества об этих угрозах. Особенно злободневный аспект темы – осмысление региональных особенностей ориентаций политической культуры, что позволит понять специфику коммуникации центра и периферии, власти и социальных групп многоукладного общества.

Состояние историографии политических ориентаций южно-российского сообщества периода нэпа противоречиво. В советский период историки упоминали свідетельства о восприятии «военной угрозы» 1927 г. на Юге России для описания классової борьбы и «кулацкого саботажа хлебозаготовок», для демонстрации единства трудящихся перед лицом возможной интервенции Запада. Данный подход проявился в работах Ю.С. Кукушкина [14], В.А. Сидорова [24], В.И. Иванова и П.Г. Чернопицкого [10]. Историки были вынуждены ввиду цензурных ограничений описывать только «положительные» для советской идеологии факты, а не интерпретировать всю совокупность источников.

В 1990-х гг. публикуются первые научные работы в рамках плюрализма концепций и методик анализа. Теоретические объяснения политической культуры 1920-х гг. и ее проявлений в общественном мнении разработаны И.С. Кузнецовым [13], С.В. Яровым [32], Е.Ю. Зубковой и А.И. Куприяновым [8]. Количественные методы и социологический анализ проблемы проведены Д.Х. Ибрагимовой [9], А.И. Черных [31], В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий [7] и К.Г. Мяло [18] выявляли воздействие политических настроений на переход к ускоренной коллективизации и на слом нэпа. Л.Н. Николаев [20], Л.Н. Нежинский [19], Н.С. Симонов [25] установили мнимость «военной угрозы» конца 1920-х гг. и выдвинули предположение о ее макрополитических последствиях для советского общества. В рамках методик социальной истории А.Ю. Рожков изучил влияние «военной угрозы» на общественное мнение молодежи [23].

Региональная специфика политической культуры неповского общества изучена неравномерно. А.В. Баранов исследовал массовые политические настроения 1920-х гг. в качестве фактора политического процесса в русских областях Юга [2]. А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджян рассмотрели взаимодействия донских казаков с органами власти, выявив соотношение конфликтов и согласия в их активности [26, с. 205–233]. В американской историографии исследование политического сознания земледельцев Дона провела Д.Э. Пеннер [21].

Источниковая основа анализа политических ориентаций включает в себя столь разнородные виды документов, как частная и служебная переписка; обращения граждан в органы власти и газеты; информационные сводки и обзоры, подготовленные краевыми и окружными органами ВКП(б) и ОГПУ; их аналитические записки и доклады; стенограммы заседаний партийных и советских инстанций. Накоплен значительный свод свидетельств современников. Наиболее ценны концептуально и содержательно сборники ранее секретных документов, опубликованные по видовому принципу – «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» [28], «Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране» [27], «Голос народа» [5], «Письма во власть» [22].

Вместе с тем, текущий этап развития исторических знаний по проблеме трудно оценить иначе, чем первоначальный. Сохраняется разрыв между общетеоретическими трудами и применением их выводов в анализе локальных исторических ситуаций. Слабо изучены региональные и сословные субкультуры 1920-х гг., их проявления в ментальности и деятельности различных групп многоукладного общества. Некоторые историки (В.В. Бабашкин [1, с. 99–110], Д.Х. Ибрагимова [9, с. 10–23]) пренебрегали учетом региональных особенностей, что не лучшим образом повлияло на выводы их работ.

Политическая культура определяется в современной науке как система ориентаций индивида, группы или общества в целом в отношении политической сферы, ее отдельных институтов, акторов и практик. Ориентации, в том числе, выражают отношение своих носителей к власти и ее носителям – государственным служащим. Нас интересует, прежде всего, массовые и групповые ориентации, так как именно они могли легально проявляться и влиять на политические процессы в условиях авторитарного режима 1920-х гг.

Политические ориентации включают как статичные (ценностные установки и стереотипы, психологический склад, менталитет), так и динамичные компоненты (массовые настроения по поводу текущих событий). Массовые ориентации обуславливают наиболее типичные ожидаемые варианты поведения. Групповые ориентации охватывает совокупность представлений, предпочтений и ролевых позиций, определяющих поведение различных общностей. Индикаторы в данном случае – содержание, направленность и интенсивность общественно-политических настроений, которые фиксируются в высказываниях либо письменных текстах [13, с. 5–10].

Учитывая доминирование земледельцев в социальной структуре и формировании ориентаций южнороссийского общества 1920-х гг., анализ массового и группового сознания ведется на станичном материале. Географические рамки статьи включают в себя Дон и Кубань в качестве историко-культурных областей с повышенным удельным весом казачества в населении – 43 % по переписи 1926 г. [2, с. 335–338].

Единицами анализа являются зафиксированные в письменной форме проявления политических ориентаций: суждения, требования и лозунги, запросы и просьбы, призывы и предупреждения, обещания и заверения, приветствия, постановления общественных объединений. Динамика ориентаций характеризуется взаимосвязанными изменениями как круга наиболее значимых проблем, так и политических установок их носителей. Динамика зависит от следующих факторов: уровня осведомленности индивидов и групп; меры их расположенности рассматривать события через призму политики; степени реального участия в политических процессах и уровня активности [3, с. 35].

Особенности источниковой базы, позволяющие делать репрезентативные выводы, – регулярная периодичность официальных сводок ОГПУ и партийных органов о политических настроениях и обзорах писем; полнота охвата объекта анализа; высо-

кая оперативность информирования органов власти и возможность проследить их реакцию по принятию решений.

Можно выдвинуть гипотезу о взаимовлиянии институциональной и коммуникативной подсистем советского общества 1920-х гг. Авторитарная модель власти с ее атрибутивными признаками (моноидеологией), ограничениями политического плюрализма, государственным цензурным контролем, «выборочно-показательными» репрессиями качественно изменила каналы коммуникации в сравнении с дореволюционным, относительно свободным обществом. Обратная связь между источником доминирующего потока информации (госаппаратом) и пассивным потребителем (лояльным населением) была значительно затруднена, так как контролировалась системой органов власти [15, с. 7–9]. Альтернативное (оппозиционное) информирование граждан могло совершаться лишь бессистемно в виде распространения слухов, рассказов случайных очевидцев, а гораздо реже – листовок и т.п. Обрисованные черты модели коммуникации еще резче проявлялись в случае распространения сведений и реагирования на внешнеполитические импульсы. Возникал эффект «кривых зеркал». Советские граждане выражали свое мнение о нереальных событиях (например, о войне между СССР и Великобританией, о создании опальным Троцким «крестьянской армии» против режима) более активно, чем о действительно произошедших событиях, «маркированных» официальной пропагандой.

Весной 1926 г. начинается постепенное свертывание нэпа («левый зигзаг», по меткому выражению Л.Д. Троцкого). Ужесточено законодательство о выборах. Повышена прогрессия налогов. Ради ускоренной индустриализации общественный продукт перераспределялся в пользу государственной промышленности, что вело к заниженным ценам на сельскохозяйственные товары, к вытеснению частных и кооперативных производителей с рынка. Явно выдохся и постепенно был прекращен курс ВКП(б) на сотрудничество с трудовым казачеством. Главный фактор, разжигавший политические конфликты, – ускоренное землеустройство бедняцких (в основном переселенческих) хозяйств за счет трудовых наделов казачества. Власти не учитывали, что источником доходов «кулака» был чаще всего труд семьи. Весной 1927 г. дело дошло до внесудебных расправ над «антисоветскими элементами», организованных под предлогом опасности интервенции и мятежей в пограничных местностях.

Эти меры вызвали естественное разочарование хлеборобов в местной власти. Резко сократилось участие казаков в выборах и в местных Советах, в кооперативах и крестьянских обществах взаимопомощи [30, Ф. 7. Оп. 1. Д. 468. Л. 18, 28–30, 103]. Политические настроения радикализировались. Казаки настойчиво выдвигали требования свободных цен и частного экспорта хлеба, замены прямых налогов косвенными, снижения зарплаты служащих и удлинения рабочего дня горожан до 12 часов. Звучали призывы создать демократическую республику Советов «без иногородних и коммунистов», восстановить автономию казачьих областей. Зажиточные уверяли середняков: «сейчас лишают прав нас, а завтра вас», распускали слухи: «Коммунисты проводят социализм, забирают все имущество и будут давать по 30 фунтов хлеба на едока. Земля распределена только до весны, то есть до прихода “наших” [высадки десанта эмигрантов. – А.Б.], а поэтому не ходите на выборы, всех казаков будут выселять в Сибирь...» [30, Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 569–572, 586, 601; 11; 4, с. 11].

Детонатором кризиса нэпа стала «военная тревога» 1927 г., вызванная разрывом дипломатических отношений с Британской империей и провалом советской дипломатии в Китае. Слухи о близкой войне со странами Антанты взбудоражили все слои общества. Конфронтационность настроений быстро росла.

Большая часть станичной бедноты воинственно поддерживала власть и требовала оружия [17, с. 57–67]. Противоречиво отзывались на «тревогу» бывшие партизаны и красноармейцы. Они сочетали воинственность с желанием «штыками вычищать засевших бюрократов» и «подрасструсить всю верхушку». Бывший красный партизан из ст-цы Воронежской заявил: «первым долгом перед войной надо выбить зяблых казаков, чтобы в тылу не было разбоя и банд». Появились слухи о создании ополчения во главе с опальным командиром времен гражданской войны Д.П. Жлобой. Многие вете-

раны намеревались создать независимые союзы красных партизан, дезертировать из Красной Армии, так как «теперь не обманут... обещали многое, а в действительности ничего не дали...» [29, Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 5; 30, Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 44, 50, 91, 92, 95].

Средняки и связанные со станицей рабочие-сезонники считали, что война будет проиграна СССР из-за отсталости советского оружия и враждебности европейских рабочих. Они опасались разорения из-за военных реквизиций: «Пусть будут налоги, но не будет войны». Типично примирительное заявление казака-средняка из ст-цы Родниковской: «Пора забыть делиться на казаков и иногородних, если будет война, то я не хуже тебя буду защищать Советскую власть» [29, Ф. 8. Оп. 1. Д. 374. Л. 15; 30. Оп. 1. Д. 595. Л. 42, 43, 94–95].

Зажиточные крестьяне и казаки, служащие и торговцы были едины в желании поражения СССР и надеялись на белый десант: «дай только войну, и на Кубани пойдут восстания» в армии, где «много наших ребят» (с 1925 г. разрешалась краткосрочная служба казаков в территориальных формированиях РККА); «наши (эмигранты) придут, тогда снова [землю. – А.Б.] делить будем». Надежды возлагались на саморазложение или уступки ВКП(б) под нажимом: «Одни извне, а другие изнутри – вернее будет... Хуже и тяжелее не может быть. Власть все равно поправеет». Характерна надежда на то, что после войны «будет лучше и рабочим, и всем, так как не будет советской власти». Помня о красном терроре 1920–1924 гг., зажиточные хлеборобы боялись арестов и заложничества. Они были готовы первыми прибегнуть к насилию, чтобы обезопасить себя [29, Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 3, 4, 13, 14; 30, Ф. 7. Оп. 1. Д. 795. Л. 90, 93, 94, 52].

Серьезным предупреждением о возможном взрыве стали массовые беспорядки в станицах осенью 1927 г. Так, казаки ст-цы Старокорсунской сорвали засев 70 % переданных иногородним крестьянам земель, портили инвентарь, поджигали дома и избивали новоселов [6, Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 41. Л. 263].

Итак, мнимая угроза войны ускорила поляризацию политических ориентаций в станицах, что облегчило власти пропаганду свертывания нэпа и коллективизации. На материале «военной тревоги» 1927 г. аргументирована гипотеза о сословно-классовой сегментации политических ориентаций земледельцев Юга России. Выявлено, что «военная тревога» 1927 г. воспринималась всеми социальными группами сельских сообществ региона как важный фактор политического процесса, оказала серьезное влияние на перегруппировку политических сил. «Военная тревога» высветила высокий конфликтный потенциал сообщества (складывавшийся длительно и под влиянием комплекса разнородных факторов). Зажиточные крестьяне и казаки проявили неприятие советской практики властвования и надеялись на успешную войну ради свершения режима. Средняцкая толща крестьянства и часть казачества была настроена пацифистски и, скорее всего, осторожно ждала исхода событий. Наконец, третий тип настроений характерен для бедняцких слоев «иногородних» крестьян, для рабочих и маргинальных групп. Это – антинэповский экстремизм и желание воинственно защищать советскую власть от «буржуазного» перерождения.

Региональная специфика политических ориентаций земледельцев на Юге России проявлялась в сравнительной традиционности, сословной расколотости, более позитивном, чем по стране, восприятии рынка, повышенной организованности казаков и крестьян. Одновременно усилилось влияние беднейших слоев на политику местных партийно-государственных чиновников. Раскол политической культуры стал одним из ключевых факторов свертывания нэпа.

Развитие политических ориентаций 1920-х гг. подтверждает разнообразие восприятий многоукладного общества, опровергает стереотипы прямолинейного пути России «от царизма к тоталитаризму», демонстрирует потенциал оппозиционности земледельцев.

Список литературы

1. Бабашкин В. В. Крестьянский менталитет: Наследие России царской в России коммунистической / В. В. Бабашкин // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 3. – С. 99–110.
2. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики / А. В. Баранов. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1999. – 348 с.
3. Баталов Э. Ю. Советская политическая культура / Э. Ю. Баталов // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 6. – С. 32–41.

4. Булатов Д. Предварительные итоги перевыборной кампании Советов по краю / Д. Булатов // Ленинский путь. – Ростов н/Д., 1927. – № 3–4. – С. 4–15.
5. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 328 с.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-383. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 263.
7. Данилов В. П. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации / В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий // Документы свидетельствуют. 1927–1929. 1929–1932. – М.: Политиздат, 1989. – С. 9–50.
8. Зубкова Е. Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода / Е. Ю. Зубкова, А. И. Куприянов // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 153–160.
9. Ибрагимова Д.Х. Нэп и Перестройка: Массовое сознание сельского населения при переходе к рынку / Д. Х. Ибрагимова. – М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 218 с.
10. Иванов В. И. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.) / В. И. Иванов, П. Г. Чернопицкий. – Ростов н/Д.: Книж. изд-во, 1971. – 191 с.
11. Красное знамя. – Краснодар, 1927. – 23 февр.
12. Крестная ноша: Трагедия казачества / собр. В. С. Сидоров. – Ростов н/Д.: Гефест, 1994. – Ч. 1. – 511 с.
13. Кузнецов И. С. Социальная психология сибирского крестьянина в 1920-е гг. / И. С. Кузнецов. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1992. – 95 с.
14. Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.) / Ю. С. Кукушкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 294 с.
15. Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX в. / под ред. К. Аймермайхера, Г. Бордогова, И. Грабовского. – М.: АИРО-XX, 2002. – 232 с.
16. Менталитет и политическое развитие России: тез. докл. науч. конф. (29–31 октября 1996 г.) / отв. ред. А. А. Горский. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. – 150 с.
17. Морозова О. М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны / О. М. Морозова. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 360 с.
18. Мяло К. Г. Оборванная нить: Крестьянская культура и культурная революция / К. Г. Мяло // Новый мир. – 1988. – № 8. – С. 245–256.
19. Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х гг.? / Л. Н. Нежинский // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 14–30.
20. Николаев Л. Н. Угроза войны против СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.): Реальность или миф? / Л. Н. Николаев // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов. – М.: Междунар. отношения, 1992. – С. 63–90.
21. Пеннер Д. Э. Взаимоотношения между донскими и кубанскими казаками и Коммунистической партией в 1920–1932 гг. / Д. Э. Пеннер // Голос минувшего. – Краснодар, 1997. – № 1. – С. 23–26.
22. Письма во власть. 1917–1927 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / отв. ред. А. К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 664 с.
23. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг.: в 2 т. / А. Ю. Рожков. – Краснодар: Перспективы образования, 2002. – Т. 1. – 408 с.; Т. 2. – 208 с.
24. Сидоров В. А. Классовая борьба в доколхозной деревне, 1921–1929 гг. / В. А. Сидоров. – М.: Мысль, 1978. – 246 с.
25. Симонов Н. С. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 г. и ее последствия) / Н. С. Симонов // Отечественная история. – 1996. – № 3. – С. 155–161.
26. Скорик А. П. Донцы в 1920-х гг.: очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджян. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.
27. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / под ред. Г. Н. Севостьянова. – М., 2001. – Т. 5. – 734 с.
28. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича и В. П. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 2. – 1168 с.
29. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 341. – Л. 5, 3, 4, 13, 14; – Д. 374. – Л. 15.
30. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 468. – Л. 18, 28–30, 103; – Д. 595. – Л. 42, 43, 94–95, 44, 50, 91, 92, 569–572, 586, 601; – Д. 795. – Л. 90, 93, 94, 52.
31. Черных А. И. Становление России советской: 20-е гг. в зеркале социологии / А. И. Черных. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 282 с.
32. Яров С. В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. / С. В. Яров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 131 с.